

Образ народа в творчестве Ювана Шесталова

Аннотация. Юван Шесталов в своих произведениях рассказывает об истории жизни манси, отражает быт и нравы народа, его верования, занятия и обычаи, его нравственный облик. Образ народа на протяжении всей созидательной деятельности занимает у писателя особое место, главным объектом его размышлений является человек, который предстает в образах различных персонажей, в совокупности вырисовывающихся в собирательный образ народа. Повестью «Когда качало меня солнце» (1972), которая предстает, прежде всего, как энциклопедия народной жизни, Ю. Шесталов показал значение великого исторического поворота в судьбе народа, честно и справедливо отобразив общественную действительность: различные периоды жизни всего народа, стремления и надежды людей. Образ Солвала – собирательный образ народа манси. Как и все сородичи, герой вырос в окружении сказки, загадки, сказочной природы, охоты, рыбалки. В детстве его тоже качало солнце. Писатель мастерски, искусно передает состояние души своего героя, внутренний мир вчерашнего батрака – охотника и рыбака, таежного человека. Солвал-коммунист всю жизнь посвятил классовой борьбе, строительству социализма, организации колхозов на Севере, защите Родины от фашистов. Через образ Солвала параллельно с современной тематикой Ю. Шесталовым представлена тема прошлого.

Ключевые слова: Юван Шесталов, образ народа, манси, «Когда качало меня солнце», Солвал.

S.S. Dinislamova

The image of the people in the creative work of Yuvan Shestalov

Abstract. Yuvan Shestalov in his works tells about the story of the Mansi, represents the life and customs of the people, their beliefs, occupations and customs, its moral character. The image of the people throughout the creative activity has a special place for the writer. The main object of his thought is a man who appears in the images of various characters describing the collective image of the people. The story «When the Sun Rocked Me» (1972) which primarily is as an encyclopedia of national life, Yuri Shestalov showed the importance of the great historical turn in the fate of the people, honestly and fairly depicting public reality: the various periods of life of all people, aspirations and expectations of the people. The image of Solval is a general image of the Mansi people. Like all relatives the hero has grown up surrounded by tales, riddles, fairy nature, hunting, and fishing. In childhood he also was rocked by the sun. The writer masterfully and artfully describes the state of mind of his hero, the inner world of yesterday's laborer – hunter and fisherman, the taiga man. Solval as the communist devoted his life to the class struggle, construction of socialism, the organization of collective farms in the North, defence the motherland from the Nazis. In parallel with modern theme and through the image of Solval Yu. Shestalov represented the theme of the past.

Key words: Yuvan Shestalov, the image of the people, Mansi, «When the Sun Rocked Me», Solval.

Социологический термин «народ» имеет несколько значений, но в любом из них это определенная группа людей от нескольких десятков человек до населения целой страны. В этносоциальном аспекте народ – это общность людей, превращающая род, племя, народность в нацию. Образ народа в литературных произведениях раскрывается посредством изображения людей, их образа жизни, чувств. Обращаясь к русской литературе,

вспомним, что в России к XVII–XVIII векам сложилось два класса: крестьяне и дворяне – с совершенно непохожей культурой, менталитетом и даже языком. Именно поэтому в произведениях одних русских писателей изображение крестьян есть, а у других – нет. Например, А.С. Грибоедов, В.А. Жуковский и некоторые другие мастера слова не касались в своих произведениях темы крестьянства. Однако И.А. Крылов, А.С. Пушкин,

Н.В. Гоголь, И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, Н.В. Некрасов, С.А. Есенин и другие создали целую галерею бессмертных образов крестьян.

Говоря о северных литературах, о воздействии на их формирование более зрелых литератур, М.А. Соболева отмечает, «что именно русским писателям принадлежит честь стать первооткрывателями жизни, быта, культуры, национального характера северного жителя. Причем если в дореволюционных произведениях и произведениях первых лет революции доминирует гуманистически-сочувственное отношение к жизни отсталых племен и народностей и пафос резкого обличения того общественного строя, который обрекал их на безвестность и вымирание, то в последующем творчестве русских писателей тема эта приобретает более глубинное позитивное историко-социальное звучание. Образы жителей Севера создавались на основе гуманистической, антирасистской концепции, берущей начало в классической литературе, но теперь уже с учетом открывшихся социальных перспектив экономического, интеллектуального, духовного развития бывших царских окраин.

Непреходящую ценность представляют созданные советскими художниками слова образы Дерсу Узала и Сарла. Такие писатели, как В. Тан-Богораз, В. Шишков, И. Гольдберг, В. Арсеньев, А. Фадеев, А. Коптелов, Н. Максимов, Т. Семушкин, Т. Борисов, Г. Гор, Н. Шундик, создали целую галерею образов, выписанных с любовью и подлинным человеческим отношением к представителям отсталых народов. С позиций осознанного историзма они раскрыли перед читателями жизнь многих народностей, мировоззрение, культуру, национальный характер, богатство внутреннего мира нерусского человека» [1]. Трудно согласиться с данным высказыванием, т.к. считаем, что создать образ представителя своего народа, более того глубоко и правдиво отразить жизнь земляков подвластно было только самим северянам. Именно их произведения имеют важное значение для народа, во-первых, оно доступно пониманию народных масс, во-вторых, содействует духовному развитию. Справедливо в данном случае

высказывание Ю. Шесталова: «Кажется я знаю другой язык, чем те, кто прикасается к бытию и фактам жизни малых народов Сибири. Наверное, им, людям, вскормленным плодами европейской цивилизации, нелегко проникнуть в душу северян, постичь своеобразную культуру народностей Сибири. Мне кажется, что я вполне современный человек, человек XX века. И все же я порою чувствую себя древним-древним. И просыпаются во мне сказки, видения веков являются...» [2, 7]. Помимо художественных произведений русской литературы Ю. Шесталов также знаком с этнографическими трудами первых исследователей Севера, в частности с книгой К.Д. Носилова «У вогулов» [3]. В.Д. Лебедев в статье о Ю. Шесталове «Моя любовь и страсть» [4] отмечает, что именно от этой книги – книги-оппонента – чаще всего отталкивается писатель в страстной полемике по вопросу исторических судеб своего маленького народа. Критик приводит слова Ю. Шесталова: «Человек северного сияния и в дореволюционной беллетристике не раз становился объектом песни. Но даже в лучших образцах она была всего-навсего экзотической мелодией, а не реалистическим исследованием. В этих произведениях человек северного сияния, одетый в шкуру, живущий в чуме из шкур, вставал таким же непонятным и таинственным существом, как безмолвная тундра с вечным снегом, как дремучая тайга с ее красивыми оленями, белками, соболями» [2, 7]. В качестве примера отметим и то, что в первом сибирском литературном сборнике «Жертвам войны» (Омск, 1915), М. Плотников опубликовал рассказы: «Суд», «Маньси», «Шунгур», «Божьи олени». Безусловно, с творчеством М. Плотникова Ю. Шесталов был знаком. В рассказах показано поголовное пьянство народа, неустроенная жизнь, убийства, при этом все же ощущается сочувственное авторское отношение к своим героям. Окружающий мир также воспринимается рассказчиком в художественных традициях, привычных для русского городского человека, например, в рассказе «Божьи олени» приводятся М. Плотниковым такие сравнения: «Обь, как большая латка опары, вздувалась и шумела. Желтые, с мутно-зеленоватыми

переливами внизу, большие, неуклюжие валы медленно катились изломанной линией к берегу, скатывая с гребней своих белую пену. Чайки, как листки папиросной бумаги, выхваченные ветром из рук курильщика, летали с гортанными, резкими криками и ныряли между валов» [5, 8]. Конечно же, раскрыть образ северянина и передать главную сущность его национальной самобытности М. Плотникову в рассказах не удалось. Но, как известно, у автора имеется произведение, которое заслуживает высокой оценки в плане исторической и художественной значимости, в котором сохранен национальный дух – это поэма «Янгкыл-маа» (1933).

Возвращаясь к литературам народов Севера, которые берут свое начало лишь с 30-х годов XX века, необходимо подчеркнуть, что путь писателей-северян к созданию образа представителя своего народа был сложным, им «необходимо было проделать колоссальную работу мысли, многому научиться, многое преодолеть в своем эстетическом развитии, чтобы создать национально полнокровный, исторически достоверный образ северянина. Это явилось главной трудностью и стало главным достижением литератур народов Севера в 60-80 годы» [1]. И это было одной из основных закономерностей литературного процесса младописьменных литератур, в том числе и мансийской. Рисуя образы реальных людей, на их основе писатели создали первоначальное обобщенное представление о своих народах. Рассказывая о них, художественно осмысливая их неповторимость, вместе с тем авторы осмысливают взаимосвязь народа со всей страной, с мировой историей человечества, его культурой.

Юван Шесталов – представитель малочисленного народа манси, имеющего свою традиционную культуру, язык, верования, обряды. «Народ не безмолвен, – отмечает В. Солоухин, – но для того, чтобы он рассказал о самом себе другим народам, нужна литература, нужны поэты – голос народа, его глаза, уши, сердце, язык» [6, 146]. В истории мансийской литературы до Ю. Шесталова первыми о своем народе рассказали П. Чейметов, М. Вахрушева, М. Казанцев. Как и у предшественников, главным объектом

размышлений Ю. Шесталова является человек, который предстает в образах различных персонажей, в совокупности вырисовывающихся в собирательный образ народа. Считаем справедливыми слова А. Никулькова, когда он говорит, что «Ю. Шесталов осознает свою особую миссию – сохранить, выразить, ввести в мировую культуру дух своего народа и его исторический опыт» [7, 273].

В целом, наблюдения за творчеством писателя-манси позволяют сделать вывод, что он чутко реагировал на все изменения в обществе, начиная с конца 50-х годов XX века до первого десятилетия нового века. Ю. Шесталов правдиво отразил все поворотные этапы истории родного народа и страны в целом. Все явления и факты действительности представлены через сознание, душевные переживания и мысли героев. Например, в 50–60-е годы XX века его герои воплощают в себе черты, присущие целому поколению, в 70–80-е годы – герой-повествователь предстает, прежде всего, как индивидуальность со своей неповторимой биографией, максимально приближенной к реальной жизни самого поэта. Ему присущи чувства родственной близости ко всему живому и заботы об окружающем мире. В последние годы творчества герой Ю. Шесталова, так же как и сам автор, обеспокоен уже судьбой всей планеты, всего человечества.

Как отмечалось, на формирование литератур народов Севера оказали воздействие более зрелые литературы, главным образом – русская литература. Именно влиянием «могучего идейного и духовно-нравственного опыта русской и советской классики» [1] связывает М.Н. Соболева формирование принципов реалистического искусства в младописьменных литературах Севера. Действительно, идейно-художественная система произведений писателей-северян, в том числе и Ю. Шесталова, строится на стремлении психологически точно воссоздать историю своих народов, национальный характер, осмыслить роль исторического опыта народа в духовном мире современного человека. Писатели не ограничиваются исследованием какой-либо одной из сторон народной жизни, а стремятся затронуть целый комплекс проблем, стоящих

перед их народами, а именно: «сохранение национальных языков и традиционной культуры, борьба за охрану окружающей среды, воспитание детей, упрочение преемственных связей между поколениями, развитие традиционных промыслов. Это свидетельствует об активной гражданской позиции писателей, которые главную задачу своего творчества видят в более глубоком и полном отражении жизни народа» [1].

Ю. Шесталов для решения своей художественной задачи также обращается к исследованию всего комплекса духовной культуры народа. Его голос сразу же выделился на фоне всего северного литературного региона. Образ народа у писателя на протяжении всей созидательной деятельности занимает особое место. Если обратиться к литературной критике, то основным критерием оценки его личности и творчества становится именно знание им своего народа, его традиций и верований. В статье «Дата рождения – XX век» (1963) А. Петров творчество, тогда еще начинающих поэтов, Владимира Санги и Ювана Шесталова сравнивает с небольшой, но яркой страницей в истории многонациональной литературы. Раскрывая мировоззрение Ю. Шесталова, критик подчеркивает его веру в силу своего народа, в дружбу народов. Поэт-манси понимает, что свобода в его край пришла в результате Великой Октябрьской социалистической революции. При этом к прошлому он подходит критически, так как видит в нем «не только темные стороны, но и истоки того духовного расцвета, которые были заложены в народе и существовали всегда» [9, 127]. А. Петров отмечает, что лучше всего поэт поет о родном крае, и дело здесь не только в том, что Ю. Шесталов хорошо знает свою родину, он незримо нитями связан с духовной жизнью народа, и в творчестве продолжает развивать устоявшиеся веками традиции.

Обратимся к повести «Когда начало меня солнце» (1972), которая предстает, прежде всего, как энциклопедия народной жизни. Писатель рассказывает об истории жизни манси, отражает быт и нравы народа, его верования, занятия и обычаи, его нравственный облик. Произведение начинается со сна, звенящего шаманским бубном. Зачин насыщен

тревожными предчувствиями героя. Сын, получив телеграмму о болезни отца, спешит на самолете к нему. Небольшие сюжеты-путешествия переносят героя в детство, в воспоминания об отце, о смерти матери. В воспоминаниях возникают параллели: отец и мать, бабушка и дедушка. Все это было в его детстве, в то время, когда качало его солнце. В повести много сказок, песен, преданий; они участвуют в развитии сюжета, помогают воссоздавать картины национального бытия во всей наглядности и выразительности. Фольклорные произведения говорят об опыте народной жизни. К этому опыту постоянно обращается герой-повествователь, сверяя свои чувства и мысли со сказкой.

Повесть состоит из трех частей – трех песен. В первой герой-повествователь рассказывает о себе (настоящая действительность) – это «тэрнинг эрыг» – героическая песня сына. Во второй песне герой поет «тэрнинг эрыг» об отце (прошлая действительность), в третьей – Солвал (отец) сам поет свою героическую песню, а все три части обрамляет лирическая исповедь героя-повествователя. Композиция и стиль подчинены задаче: через его размышления об истоках и корнях собственной биографии, об исторической судьбе манси, глубже и всесторонне раскрыть образ народа. Для путешествия в прошлое биография героя коротка и писатель «удлиняет» ее, «переселяя» во второй части повести вместе с думами и чувствами в облик отца – Солвала, представляя как бы единый образ отец-сын. Через их размышления прослеживается мировоззрение целого народа.

Песнь отца – главная в повествовании, эта часть произведения названа «Когда мир был сказкой». Именно через Солвала писатель актуализирует в повести судьбу своего этноса. Начинается рассказ с детства мальчика, с того времени, когда мир для него действительно предстал еще сказочным. С детства по жизни его вела сказка о легендарном Эква-пыгрисе, она научила мужеству и находчивости. Однако Солвалу рано пришлось повзрослеть. В один из летних дней они с отцом поехали в Халь-ус – Березово, поселок показался ребенку «большущим городом»: «И правда: домов много-много. Может, целых сто,

а может, и еще больше. Выше всех – два сверкающих чума. В лучах утреннего солнца золотом сверкают их островерхие шапки.

«Это, наверно, тот самый священный дом, в котором моют священной водой, дают новое имя, а главное, дарят рубашку, – не отводя глаз от горящих золотом куполов, думает Солвал» [10, 52].

В Березово отец пытается продать приказчику купца рыбу – двух свежих осетров. Тот «чмокая губами», отказывается:

«– Нет! Этого не возьму!

– А другого?

– Тоже! Не икряный... А солить – куда больше. Баржи полны рыбой. Смотри, – кивает он на берег, где один к другому слепились почерневшие от времени склады.

По берегу пологому чаны и бочки стоят. А на воде баржи. Там копошатся люди. Что-то носят на носилках тяжелых.

– Видите, баржи какие полные. Да и рыба соленая – как дерево. Не тот у нее вкус. А вот икорка нужна была бы. Привози в следующий раз осетра с икрой! Сразу возьму! – одобряет приказчик отца.

Пока он дергал осетра – рыба сдохла. Сдохнет рыба – гнить начинает. Кому она тогда нужна будет!

– Возьмите, пожалуйста! – взмолился отец, увидев, что приказчик собирается уходить.

– Если за пятнадцать копеек – возьму!

Мрачнеет отец: видно, цену деньгам знает. И все равно соглашается. Звенят монеты. Приказчик отдает их с какой-то таинственной важностью, будто делает великое одолжение...» [10, 54].

Данным эпизодом показано положение местного населения, а это в большей части охотники и рыбаки, которые при царской власти испытывали жестокий гнет со стороны как русских купцов-ростовщиков, так и местных князей. Приказчик купца, судя по словам «Он не воскликнул от удивления, как манси при любой добыче» [10, 53], был мансийского происхождения. Показано и некоторое портретное описание: «Незнакомец толстый, как медведь. Лицо красное, жирное. Взгляд его водянистых глаз не менялся...» [10, 53], позволяющее составить определенное,

в данном случае – отрицательное мнение о человеке, о его сущности.

Писатель продолжает: «У каждого века свои законы и обычаи. Неписанный закон того времени повелевал им следовать в церковь» [10, 53]. В церкви после крещения Солвал получает новое имя – Миколка, мальчику имя понравилось. Выйдя из церкви, отец с сыном идут уже к священному мысу, где среди высоких лиственниц стоит священное дерево манси. Они «бросят ему монеты. И дерево вздрогнет, шевельнет ветвями, улыбнется удали и хитрости манси, над глупым попом посмеется. Но, услышав колокольный звон и увидев растревоженную душу мальчика, оно нахмурит зеленые брови и опять замрет, становясь неприметным среди других лиственниц» [10, 55]. Солвал уже слышал от взрослых об этом дереве «с тремя руками», в прошлом, когда не было «здесь попа в высокой шапке и с крестом на груди, были великие жертвоприношения...» [10, 53] и поэтому «...после церкви все равно манси и ханты идут к этому дереву и говорят другие слова, свои слова. Как ни мудр поп, он ничего в мансийском языке не понимает» [10, 53]. Период создания данной повести – годы совершенствования мастерства художника, только вступающего в зрелость. Ирония автора рассматривается нами как непредвзятый взгляд на мир, как способ целостного изображения художественного образа. Что касается двоеверия героев, шире – народа, оно к тому времени насчитывало уже не одно столетие. Интересно, что в художественном мире Ю. Шесталова мансийское язычество при столкновении с христианством всегда остается в своей древней чистоте, что также свидетельствует о жизнеспособности народа.

В повести после посещения церкви отец с сыном идут в кабак. Однако совсем вскоре, после приема «огненной воды» отец «Веселым стал, как тетерев на весеннем току. Болтливый стал, как сорока на помойке, куда только что вылили остатки хорошей еды. Богатым стал, как приказчик купца. Монетами звенел, будто у него их целый мешок. В карты играли люди – он к ним подсел» [10, 56]. В конце игры, оставшись без денег, он поставил на кон сына. Так мальчик был

проигран в карты и стал батраком купца Яныг-Пуки (букв. Большой живот). Ю. Шесталов, на примере маленького героя с горечью показывает бедственное положение местного населения дореволюционной России. Много увидел и понял за три года Солвал, появился у него и русский друг – тоже батрак – Ванька Дровосек. В будущем, после Октябрьской революции, он станет начальником районной милиции, Солвал же, кому шаман Якса предсказал великую судьбу на великом камлании, будет председателем колхоза. А пока народ нарекает его сыном Торума, посланным на землю, чтобы избавить народ от горя и несчастья. Соответственно его мечта – это народная мечта о всеобщем счастье. Чтобы узнать, что такое «Революца», герой снаряжается в дальнее путешествие в Тобольск – в путь за правдой, как в свое время делали герои поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Как и в поэме Н.А. Некрасова, в центре картины мира, созданной Ю. Шесталовым, находится народ. Он может заблуждаться, проявлять ограниченность, глупость, жестокость, и, тем не менее, его внутренняя мощь, его величие никогда не подвергаются сомнению. Герой Ю. Шесталова во время своей длинной дороги встретится со многими людьми, и не всегда их слова и поступки будут ему понятными. Он станет свидетелем первых революционных митингов и увидит кровавые следы, оставленные белогвардейцами на сибирской земле. Ю. Шесталов рассказывает о прозрении героя, прослеживает извивы и повороты его сознания: «Кто такой Революца? Если человек, то какие у него глаза, руки, голова? Если дух, то какой дух? Черный или белый? Злой или добрый? Какую жертву он просит? Кто такой Революца? Неужели и вправду этот дух – красный? Разве такой бывает? Никогда не было такого духа! В видениях шаманов не видано, в сказках, былинах не слышано» [10, 85]. Так размышляет Солвал, пытаясь осмыслить перемены в своей жизни и жизни народа. Его социальное прозрение происходит после встречи с председателем Совдепа, большевиком, революционером Сенькиным. Солвал, услышав слово «революционер», радостно воскликнет: «Революца – это когда жизнь

становится лучше! Знал теперь Солвал: Революца – не дух! Знал теперь Солвал: Революца – жизнь!» [10, 86]. Большевика Сенькина герой сравнивает с Эква-пыгрисем, ему кажется, что «в новой личине проснулся старый мансийский богатырь – человек из бедного рода» [10, 86]. Фольклорное мышление Солвала определяет особенности его видения мира. Значение революции открывалось односельчанам из его рассказов, полных ассоциаций с фольклорными образами: «Меня спас Эква-пыгрись!.. У него сейчас другое имя: Сенькин. Под видом русского богатыря сегодня вышел в мир наш Эква-пыгрись. Если раньше он не побеждал, то только потому, что был один. А нынче он в Березове всех бедных скликнул в один «Союз»... <...> И Эква-пыгрись – Сенькин – мне шепнул, что у него есть товарищ, кто мудрее всех. Его зовут Ленин.. Эква-пыгрисю теперь легко: к его хитрости и находчивости прибавилась мудрость мудреца Ленина» [10, 115]. После революции судьба народа меняется в лучшую сторону. Огромная роль в этом принадлежит русскому народу, который помог манси по-иному взглянуть на жизнь, устремиться навстречу новой жизни. После встречи с Сенькиным – добрым духом «Революца» – герой понял, что труд любого человека имеет цену, что любой человек волен выбирать судьбу, быть свободным, быть самим собой. Когда русский друг Ванька Дровосек предлагает Солвалу быть представителем Интегралсоюза, герой тут же соглашается. Местное население к этому «чудному и непонятному» слову также быстро привыкло, понравился им и передовой опыт: «И шкурки белок, куниц, горностаю увозить никуда не надо было, приезжал приемщик пушнины – товарищ Солвал по работе – и принимал золотой мех. Тут же вручал деньги. <...> Хороший Совет-ласть – у него можно взять и ружья, и порох, и соль, и одежду! Хорош Солвал – он все может дать!» [10, 142]. Так Солвал получает от народа еще одно имя – Совет-ласть.

В третьей части повести «Когда качало меня солнце» Ю. Шесталов показывает послевоенное время в истории страны, в истории народа. Солвал также как и многие северяне воевал, защищая Родину от фашистского

нашествия, однако рассказ о войне озвучивается в повести через другого героя – Йикора. Послевоенная жизнь Солвала – это насыщенная проблемами жизнь председателя колхоза. О войне лишь сказано: «Война была. Большая война. Мужчины на фронт ушли. Немногие с поля боя вернулись. А он, Солвал, хоть и раненый, но вернулся. Недаром род его нарекли соленым. Соль все выдержит: и мороз, и Гитлера, и тиф!» [10, 162]. В таежной деревеньке, куда направили вернувшегося с фронта коммуниста Солвала, свирепствовал тиф. «Около ста дней трудились мы днем и ночью и победили ее» [10, 162] – вспоминает герой. Третья часть повести – это воспоминания героя о своей трудовой деятельности в мирное время. Об одном он сожалеет: «Эх, была жизнь! Настоящая, большая! – подумает Солвал с удовольствием и сожалеет об уходящей молодости. – Да только в одном маху дал: не захотел учиться. Орнаментом хотел все понять и постичь!.. Э-эх!.. Жаль!..» [10, 163].

В целом, образ Солвала – собирательный образ народа манси. Как и все сородичи, герой вырос в окружении сказки, загадки, сказочной природы, охоты, рыбалки. В детстве его тоже качало солнце. Писатель мастерски, искусно передает состояние души своего героя, внутренний мир вчерашнего батра-

ка – охотника и рыболова, таежного человека. Солвал-коммунист всю жизнь посвятил классово-борьбе, строительству социализма, организации колхозов на Севере, защиты Родины от фашистов. Через данный образ параллельно с современной тематикой Ю. Шесталовым представлена тема прошлого. Писатель, как и его герой, благодарен русскому народу, освободившему народ манси от многовековой эксплуатации, ведь свою лучшую долю манси связывают с именем Ленина, потому что только при Советской власти они оказались в благоприятных условиях подъема общественного самосознания. Ю. Шесталова глубоко волнует судьба народа. Этим чувством в конечном итоге и объясняется его обращение к патриотическим темам, которую, в свою очередь, объясняют биографические факты. Его отцу – Солвалу, лишь революция вернула свободу, человеческое достоинство, сделала счастливым.

Повестью «Когда качало меня солнце» (1972) Ю. Шесталов показал значение великого исторического поворота в судьбе народа, честно и справедливо отобразив общественную действительность: различные периоды жизни родного народа, стремления и, конечно, надежды людей. Образ Солвала правдиво передал изображение жизни своего времени.

Литература

1. Соболюкова, М.Н. Художественное своеобразие литератур народов Севера (60–80-е годы) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/hudozhestvennoe-svoeobrazie-literatur-narodov-severa-60-80-e-gody> (дата обращения: 15.11.2016).
2. Шесталов, Ю. Песня полярного дня. (О времени и о себе) [Текст] / Ю. Шесталов. – Литературная Россия. – 1977. – 18 марта. – С. 7.
3. Носилов, К.Д. У вогулов [Текст] / К.Д. Носилов. – Тюмень: СофтДизайн, 1997. – 304 с.
4. Лебедев, В.Д. Моя любовь и страсть [Текст] / В.Д. Лебедев // Мансийская литература. – М.: Литературная Россия, 2003. – С. 29–47.
5. Плотников, М.А. Божьи олени [Текст] / М.А. Плотников // Сибирские записки. – 1918. – № 1. – 170 с.
6. Солоухин, В. Слово живое и мертвое [Текст] / В. Солоухин. – М.: Современник, 1976. – С. 143–149.
7. Никульков, А. Край братства народов: Молодая литература Сибири [Текст] / А. Никульков // Молодая гвардия. – 1973. – № 4. – С. 273–275.
8. Шпрыгов, Ю. Молодость дальнего Севера. Чукотка в сов. худож. прозе [Текст] / Ю. Шпрыгов. – М.: Современник, 1984. – 320 с.
9. Петров, А. Дата рождения – XX век [Текст] / А. Петров // Молодой коммунист. – 1963. – № 6. – 123–128 с.

10. Шесталов, Ю.Н. Собрание сочинений: в. 4-х томах [Текст] / Ю.Н. Шесталов. – СПб.; Ханты-Мансийск: Фонд космического Сознания, 1997. – Т. 3. – 528 с.

References

1. Sobolkova, M.N. *Hudozhestvennoe svoeobrazie literatur narodov Severa (60-80-e gody)* [Artistic originality of the literatures of the peoples of the North (60–80 years)]. (In Russ.) Available at: <http://cheloveknauka.com/hudozhestvennoe-svoeobrazie-literatur-narodov-severa-60-80-e-gody> (accessed November 15, 2016).
2. Shestalov, Yu. *Pesnja poljarnogo dnja. (O vremeni i o sebe)* [The song of the polar day. (About time and about myself)]. Literaturnaja Rossija [Literary Russia], 1977, 18 March, p. 7.
3. Nosilov, K.D. *U vogulov* [Among the Voguls]. Saint-Petersberg: SoftDizayn Publ., 1997. 266 p.
4. Lebedev, V.D. *Moja ljubov' i strast'* [My love and passion]. *Mansijskaja literature* [Mansi literature]. Comp. by V.V. Ogryzko. Moscow: Literaturnaja Rossija Publ., 2003. pp. 29–47.
5. Plotnikov, M.A. *Bozh'i oleni* [Deer of the God]. *Sibirskie zapiski* [Siberian notes], 1918, no. 1. 170 p.
6. Soloukhin, V. *Slovo zhivoe i mertvoe* [The word – living and dead]. Moscow: Sovremennik Publ., 1976. pp. 143–149.
7. Nikulkov, A. *Kraj bratstva narodov: Molodaja literatura Sibiri* [The edge of the brotherhood of peoples: Young literature of Siberia]. *Molodaja gvardija* [Young guard], 1973, no. 4, pp. 273–275.
8. Shprygov, Yu. *Molodost' dal'nego Severa. Chukotka v sov. hudozh. proze* [The youth of the far North. Chukotka in the Soviet art prose]. Moscow: Sovremennik Publ., 1984. 320 p.
9. Petrov, A. *Data rozhdenija – XX vek* [Date of birth – XX century]. *Molodoj kommunist* [Young Communist], 1963, no. 6, pp. 123–128.
10. Shestalov, Yu.N. *Sobranie sochinenij* [Collected works]. Saint-Petersburg; Khanty-Mansiysk: Fond kosmicheskogo Soznaniya Publ., 1997. Vol. 3. 528 p.

Т.Р. Душенкова

Лексические дефиниции эмоции гнева в удмуртском языке

Аннотация. В статье рассматривается лексика гнева в удмуртском языке. Эмоция является универсальной и сыграла важную роль в развитии социума. Как правило, ее проявление в культуре окрашено отрицательно. В удмуртском для выражения эмоции гнева используются слова *йыркур*, *вожпотон*, *йыркуръяськон*, *лекъяськон*, *лекомон*, *жобъяськон* ‘злоба, злость, озлобление’, *урмон* ‘ярость’, *укылмон* ‘неистовство’, *зырдан* ‘накал’, степень интенсивности – от *йыркур* до *урмон*. Особое внимание уделяется национально специфическим представлениям, а также диалектным особенностям употребления лексем. Синонимические ряды, приведенные в двух словарях синонимов, начинаются со слова *йыркур* что означает ‘гнев; злоба, злость’; *йыркур луыны* ‘гневаться, выходить из себя’; *йырез кур карыны* ‘рассердиться, рассердить; озлобиться, озлобить’; *йыркурзэ поттыны* ‘прогневить’. Слово *йыркур* образовано из двух корней: *йыр* ‘голова’ и *кур* ‘обида, горе, печаль’, т.е. обида, которая в голове, или головная обида. Проведенное исследование выявило разнообразие лексических дефиниций гнева в удмуртском языке, их особенности и специфическое употребление.

Ключевые слова: лексические дефиниции гнева, универсальная эмоция, финно-угорская паремия.

T.R. Dushenkova

The lexical definitions of the emotion of anger in the Udmurt language

Abstract. The article deals with the lexical definition of anger which is represented by a large vocabulary in the Udmurt language. The emotion of anger is universal and it has played an important role in the development of society. As a rule this emotion has negative characteristics. In Udmurt language for the expression of the anger emotions the following words are used: *jyrkur*, *vozhpoton*, *jyrkurjas'kon*, *lekjas'kon*, *lekomon*, *zhobjas'kon* ‘anger, spite, exasperation’, *urmon* ‘fury’, *ukylmon* ‘frenzy’, *zyrdan* ‘tension’, degree of intensity – from *jyrkur* to *urmon*. Special attention is paid to specific national views, and the dialectal features of the use of the lexemes. Synonymous rows given in the two dictionaries of synonyms, begin with the word *jyrkur* ‘anger; spite, exasperation’; *jyrkur luyny* ‘angry, get mad’; *jyrez kur karyny* ‘anger; embitter’; *jyrkurze pottyny* ‘infuriate’ etc. The word *jyrkur* is formed from two roots: *jyr* ‘head’ and *kur* ‘offense, grief, sorrow’, in other words – offense in the head, or head offense. The study identified a variety of lexical definitions of anger in the Udmurt language, their features and specific use.

Key words: lexical definitions of anger, universal emotion, Finno-Ugric paroimia.

Гнев является универсальной базовой эмоцией. В эволюционном плане эмоция гнева сыграла важную роль в преодолении некоторых препятствий и для выживания человека как вида. К. Изард подчеркивает, что «Гнев мобилизует энергию человека, вселяет в него чувство уверенности и силы и потому повышает его способность к самозащите» [1, 254]. В разных языках гнев идентифицируется при помощи слов, «а слова принадлежат какой-то одной конкретной культуре и приносят с собою культуроспецифичную

точку зрения» [2, 41]. Например, в финно-угорской паремии А.И. Китиков выявил следующие дефиниции эмоции: *Гнев – плохой советчик* (венг.). *От народного гнева (возмездия) не уйдешь* (морд.). *Гнев не половодье: повсюду разливается* (удм.). *Гнев подневольного не дорого стоит* (фин.). *Время остужает тоску и гасит гнев* (эст.). Более «мягкое» его проявление *злоба и злость: злоба не сила, обида – не оружие* (кар.). *Где счастье и любовь, там злобе не место* (коми). *Боль, причиненная в злобе, к тебе*